

Александр Уралов
Светлана Рыжкова

Несб Таснодни
DOMINI CANES

Александр Уралов

Псы Господни

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Уралов А.

Псы Господни / А. Уралов — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Роман в двух книгах – результат совместного литературного творчества уральских прозаиков. Увлекательная история, написанная в жанре мистического триллера, может быть рекомендована разной читательской аудитории - в равной степени и мужской, и женской. Книга предназначена для серьёзного читателя, которого привлекает сплав фантастики и реальности, психологические коллизии и увлекательный динамизм сюжета. Авторы ведут повествование с разных точек зрения своих героев – мужской, женской и даже детской. Международная научная комиссия (МЕНАКОМ), призвана ответить на главный вопрос – в чём сущность необычайного природного явления. Существует ли угроза уничтожения всей планеты? Линии судеб самых разных людей сходятся в одной точке, где происходит очередная битва добра со злом. Вовлечённые в неё персонажи – самые обычные люди. Битый жизнью Илья, таинственный и добродушный увалень Сашка, оторва-старшеклассница Мёрси и романтическая дама бальзаковского возраста Анна – и есть подлинные "Псы Господни", которых Бог спустил на Своего врага, как врага рода человеческого. У них нет выбора - лишь бы подобраться к врагу и рвануть его своими клыками, пусть у некоторых они стерты и изъедены кариесом. Эти люди - не боги и даже не демоны. Они пытаются существовать, как и раньше: есть, пить, грешить потихоньку, чуть-чуть творить добро и надеяться на милость и прощение. Но дьявол в хитрости и гневе сошел к ним, и теперь от их выбора между добром и злом, балансируя между верой и богохульством, между активной жизненной позицией и желанием уйти от проблем зависит судьба мира. Или они так думают.

© Уралов А.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ПРОЛОГ	7
КНИГА 1	8
ЧАСТЬ 1	8
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	26
Глава 8	28
Глава 9	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Уралов, Светлана Рыжкова

Псы Господни

*«Когда говорит он ложь, говорит своё;
Ибо он ложь и отец лжи».*
(Иоанн VIII, 44)

ПРОЛОГ

Маленькая смешная планета Земля. Влажный каменистый шарик с копошащимися комочками слизи на поверхности. Со взлётами духа и падениями нравов, с цепким умом некоторых и таким трогательным невежеством остальных...

Тысячелетия глупости и страха.... теперь он был *готов* принять всё это.

Его время пришло.

Время новых богов.

...о, эти страхи, их жестокая непреклонность, их предвкушение мучительного зла...

...это Нечто, облизывающееся во мгле...

КНИГА 1

ЧАСТЬ 1

Глава 1 Сашка

– Смотри, Сашка-дурачок куда-то воздух режет! Попилил, попил! Эй, Сашка, собака рычит! Собаки за тобой гонятся! Р-р-р! – кричат мне дети, которые курят за школой.

Хитрые обезьяньи лица белеют в тени тополя. Я знаю, что они хотят обмануть меня, но невольно ускоряю шаг. Ладони сразу становятся мокрыми.

– Стоять! Я кому сказал – стоять!

Я горблюсь и почти бегу. Они могут бросить мне камень в спину. В полиэтиленовом пакете, на котором написано «ТЦ «КИТ» болтаются бутылки. Они звякают и больно бьют меня по колену, потому что я изо всех сил прижимаю локти к бокам. Так неудобно бежать, но я всё-таки бегу, втянув голову в плечи. Огромная и неуклюжая тень бежит впереди меня, и я начинаю плакать, потому что боюсь наступить на неё и тогда... и тогда случится страшное...

Всё что угодно может случиться, да!

Они кидают мне вслед камень, но он пролетает мимо. Больше они не кинут – я уже на проезжей части улицы, где растянулась автомобильная пробка! Они испугаются, что могут попасть в пыльное стекло дорогой машины «Опель» и тогда водитель выскочит на раскалённый майским солнцем асфальт и выдавит им глаза. Я знаю, я уже видел это, я уже видел это! Тогда, давно. Я не помню, где это было...

Голова начинает болеть. Противные червяки прогрызают мне череп где-то за правым ухом. Прижимая локоть к ребрам, я пытаюсь правой рукой быстро-быстро согнать червяков, но нащупываю только коросту.

О, какой ужасный апрель!

– Ты снова себе голову расцарапал! – устало говорит мне Илья. – Опять попался? Ладно, не говори... и так вижу. Вот, суки грёбанные, неймётся им!

Я всхлипываю и стараюсь встать поближе к нему. Но его горнолыжные палки, с которых сняты маленькие кружки – Илья прикрепляет их обратно только зимой, когда много снега – его палки мешают мне прижаться к его ногам, как это могла бы сделать маленькая собачка с разбитой головой. Я не боюсь маленьких собачек, да и они не боятся меня. Но когда ко мне подскакивает большой пёс... их немного у нас во дворе, но они есть! – в голове сразу же начинается тяжёлый сиплый лай. И я почти всегда вдруг вижу снег у себя перед глазами, он налип на ресницы, от него онемели щёки и губы. Я поднимаю голову и вижу, как огромный чёрный кобель дышит мне прямо в глаза. Потом он возбуждённо отбегает в сторону и задирает лапу. Тоненькая струйка мочи брызжет на торчащий из снега бурый репейник. От струйки поднимается пар. Кобель нервно чешется и снова подскакивает ко мне, оскалив огромные белые клыки, блестящие от слюны.

«Лежать!» – с ленивой растяжкой цедит Голос и в голове моей взрывается бомба... вот и всё. И я понимаю, что лежу на земле, в грязи. Однажды это было в дождь, хотя в дождь я всегда чувствую себя лучше, и я лежал, скрючившись, в луже и кровь стекала прямо в пузырящуюся воду, в которой плавал раскисший окурочек. «Winston one» было написано на нём, да! И тогда

люди смеются... или пугаются и кричат сварливыми тонкими голосами. Или просто обходят меня, старательно не глядя в нашу сторону, а Илья ругается и тычет мне в бок наконецником палки. Он не может встать на колени, потому что у него от рождения странным образом вывернуты ноги.

Илья опирается на палку и выплёвывает сигарету, ловко продевая скрюченную левую кисть в ремешок. Иначе он не сможет удержать рукоятку. Левая кисть у него слабая. У него длинные нервные пальцы и он очень многое умеет. Видели бы вы, как соседки смотрят на него, когда приносят всякие электрические вещи в починку! А тётя Оксана как-то сказала: «Эх, бабоньки, золотые руки у парня! Кабы не калека, цены бы ему не было!» И все с ней согласились, да!

– Ладно, Саня, не реви, ты чего? Вон, здоровенный какой, а плачешь, – говорит Илья. – Двинули! Держим курс на «чайхану». Сдачу-то принёс? Ну, держи в кармане. Если Прошка захочет стрелкнуть у тебя десятку – ты вначале мне скажи, я сам разберусь, понял? Ну, рванули?

Я с облегчением иду рядом с ним. С Ильёй всегда так – с ним спокойно. Он сильный и это знают все вокруг. Он доходит мне всего лишь до плеча, но он железный внутри и, наверное, его побаиваются даже милиционеры. Во всяком случае, когда мы проходим мимо здания, во дворе которого по утрам зычными глотками орёт ОМОН, приветствуя своего командира, и гулко лают в своих невидимых мне домиках служебные собаки, – то милиционеры, сидящие в будке на посту у вертушки, не обращают на нас внимания. А один раз Илья даже поздоровался с каким-то парнем в спортивной куртке, выходявшим на улицу через проходную. Илья сказал, что это следователь Володя, и я испугался. Но следователю мы – слава Богу! слава Богу! слава Богу! – торопливо бормочу я, сам не зная, почему – следователю мы были не нужны.

Илья шаркает носками ботинок по асфальту, волоча ноги. Палки его – цок-цок-цок – бодро постукивают по бехатоновым плиткам, выложенным у подъезда магазина «Оптика для вас!» Зимой Илья поскользнулся на этих плитках и упал, сильно ударившись. Я не мог его поднять, потому что ему было больно. Я плакал, а Илья тихо ругался, пытаясь вытянуть правую руку вместе с палкой из-под себя. Зимой он вдевает в петли обе кисти, потому что руки мёрзнут даже в перчатках. Он порвал брюки на колене, сквозь прореху было видно голое синее колено в кровавых ссадинах. Я думал, что он умрёт, да!

Люди проходили и проходили мимо, а потом нам помогла старушка из 86-го дома, что на другой стороне нашей улицы, и мы пошли домой. Но колено у Ильи опухло и ещё долго болело. Он делал себе компрессы из водки, а его сестра поругала меня за то, что я не вызвал «скорую помощь». А как её вызвать, если телефон у Ильи был в нагрудном кармане куртки? А потом старушка помогла мне поднять Илью, и он сказал, что ничего страшного, надо пойти домой и всё. И я помог старушке донести сумку с картошкой до самого подъезда. Она живёт на первом этаже и окна у неё выходят во двор, где много машин стоят, уткнувшись носами друг в друга, как шашки на шахматной доске, когда играешь в «уголки».

А Илья ждал меня у подъезда. А потом мы пошли домой, и Илья попросил меня что-нибудь вспомнить из книг. Я сказал: «Из слов Антония становится очевидным, что демоны ни в коем случае не могут овладеть чьим либо духом или телом и не имеют никакой власти врывать в чью-либо душу, если сначала не лишают её святых помышлений и не сделают её пустой и лишённой духовных созерцаний».

– Откуда это? – спросил Илья, морщась от боли в колене. Его ноги загребали не совсем утоптаный снег – чшш-чшш-чшш.

– Шпренгер и Инсистерис, «Молот ведьм», – автоматически сказал я, думая о том, что боюсь. Боюсь того, что, наверное, Илья сломал себе ребро.

– Замечательно, – пробормотал Илья. – Ты же не помнишь ни черта. Имя своё и то забыл, а цитаты такие мудрёные выдаёшь, что профессор, да и только! И не понимаешь в них ничего. Ну, ладно, ладно, не хлюпай носом. Я же тебя не ругаю. Это я удивляюсь тому, какой ты начитанный. Слышишь?

Я – начитанный. Это правда. Только я действительно не помню ничего. Книжные слова иногда выскакивают из меня, как поезд из тоннеля метро. Они ослепляют меня, толкают в грудь тёплым воздухом, они гремят и стучат колёсами, они с нечеловеческой силой проносятся мимо размытыми пятнами... иногда останавливаясь, чтобы я мог видеть внутри фраз ярко освещённые окна с озабоченными лицами слов, чьи хозяева давно уже умерли.

«Чайхана» – это три скамейки, поставленные буквой «П». Раньше говорили – поставленные «покоем». Скамейки прижились у нас во дворе. С одной стороны в кустах сирени теряются стальные прутья забора, за которым желтеет здание бывшего детского сада. Теперь в это здание ходят молоденькие девчонки. Юношей почти нет. Зимой окна ярко светятся и в них видны девушки, слушающие преподавателей. Они пишут в своих тетрадках, перешёптываются друг с другом, а на переменках выскакивают на крыльцо входа и курят. Но вход расположен с другой стороны и не виден из «чайханы». Детский садик теперь стал институтом и ему, наверное, хорошо от этого. Во всяком случае, здание весело смотрит на людей чисто вымытыми окнами.

Густые тополя протягивают ветви над нашими головами. Совсем рядом протоптана дорожка, наискосок пересекающая двор. По ней тихо проходят люди. Многих мы уже помним в лицо.

Иногда стайки волчат зычно гыгыкая бредут по дорожке и бросают неприятные взгляды на нас, сидящих каждый на своём любимом месте. У волчат серые лица и они громко сквернословят. «Алкаши!» – говорят они, но мы не смотрим на них. Их время придёт, когда стемнеет. Тогда они будут возиться в «чайхане», которая ночью становится страшной. Поутру я убираю пустые «сиски» – пластиковые бутылки крепкого пива «Охотник», осторожно собираю шприцы и пакеты из-под чипсов, сметаю в кучу окурки и плевки и отношу всё это к мусорным бакам.

Однажды я увидел подсыхающие потёки крови на скамейке и не мог подойти. Лёня-электрик принёс ведро воды и попытался смыть кровь, но получалось плохо. Мы застелили потом скамейку газетами, но они всё равно промокли от воды. Я так и не сидел на это место. И вообще не мог там присесть. Зато через два дня прошли ливни... и всё стало по-прежнему, как будто небесная вода очистила всё прошлое.

А однажды я нашёл там тонкие женские трусики. Они были грязными, как будто их хозяйка не мылась много лет подряд. Меня тошнило, но я подцепил их веточкой и, отвернувшись, бросил в мусорный мешок. Но это всё же лучше, чем шприцы, которые пищат и злобно шевелятся в пакете и хотят вырваться наружу, когда я несу собранное к мусорному баку, далеко отставив руку от себя. Они опасны. В них шевелится грязная чёрнота.

В «чайхане» уже сидят Прошка и мающийся с бодуна Лёня-электрик. «О! Инвалидская парочка!» – говорит Прошка. Мы здороваемся, и Илья устало устраивается на своём любимом месте, закинув одну ногу на прислонённые к скамейке лыжные палки. Его ботинки покрыты пылью и подошвы у носков, которыми он так быстро шаркает по асфальту, скоро совсем протрутся. Наверное, скоро надо будет просить у Елены покупать ему новую обувь, потому что в ремонте уже откажутся брать чиненные-перечиненные ботинки. Само собой, она опять вздохнёт и скажет: «Раньше, хоть, можно было на протезном заводе со скидкой заказывать ортопедические. Помнишь, Илюша, как мы с папой и Валерой на Большакова ездили? Ты ещё там стельки хорошие были... пробковые». А Илья будет хмуриться, не глядя в лицо сестры. Он не любит вспоминать детство. Я бы, наверное, так не делал. Но я не помню ничего до прошлого

года, когда Илья взял меня за руку и сказал: «Хватит хныкать. Ты кто?» И я не смог ему ответить.

Мы открываем первую бутылку и начинаем движение в будущее, к тёплому вечеру, чтобы в полупрозрачные сумерки разойтись по домам, до завтра. Я стою рядом с Ильёй и на душе у меня спокойно.

– На Сашкины сегодня пьём, – говорит Илья. – Он в 37-ю вчера помогал мебель таскать.

– В 38-ю, – говорю я и робко улыбаюсь.

Я люблю помогать хорошим людям. Наверное, стыдно признаваться в этом взрослому большому человеку, который не помнит о себе ничего. Даже имени. Сашкой меня назвал Илья.

Глава 2

Илья

Да, он любит помогать тем, кто привык к нему, кто добр, – думает Илья. В этом он ничем не отличается от всех нас, жителей этой паршивой планеты. На её поверхности слишком много дерьма, поэтому мы судорожно ищем хоть малую травинку человечности и в отчаянье хватаемся за неё в надежде обрести хоть немного покоя. Уж не счастья, куда там! Покоя и тишины ищем мы в океане дерьма – вот оно как, дорогие мои алкаши-собутельники.

Сашка полубоком стоит рядом, слушая беседу Лёни-электрика и Прошки. Его лицо, изуродованное шрамами, сияет тихим довольством. Могучие руки он держит прижатыми к груди, привычно сутулясь. Типичная оборонительная поза маленьких детей, скажет вам любой психиатр в этой трижды долбанной программе «Здоровье» на телеканале ОРТ.

«Что же защищаешь ты, Сашка? Какие ужасы ты забыл? Забыл, но не настолько, чтобы распрямить спину, посмотреть вокруг открытым, не пугливым взглядом, устало расправить мощные плечи и стать тем, кем был ты когда-то... – в тысячный раз думает Илья. – Да не дано тебе, видимо, этого. И враги твои, если они были, могут радоваться – не столько тело изуродовано у тебя, Сашка, сколько покалечена и разорвана душа».

– Вот смотри, – говорит Прошка. – У нас в 234-м цехе мастер был один. Романов фамилия. У него сын в наркоте по самые уши зарылся. Романов с бабой и сад, и машину продали, а толку от всех этих лечений – хрен! Нет никакого лечения, понял?

– Не верю я в это, – мрачно говорит Лёня-электрик. – Это от водяры хрен откажешься, потому что жизнь – говно. А наркота – это больше для сопляков придумано, чтобы они заранее на себе крест поставили и даже не рыпались. Вон, на зоне, если не ширяешься, то рано или поздно перестаёшь и думать об этом. Говно всё из организма выходит и – пипец. Ты чистый, как моча молодого поросёнка.

Сашка тихонько смеётся. Ему понравилось сравнение. Вышедшая из четвёртого подъезда 89-го дома молодая женщина в сомнении смотрит в сторону «чайханы» из-за трубы огромного ковра. Эту ковровую трубу женщина держит стоймя, обхватив руками. Нижний торец трубы она ставит на носок правого кроссовка, чтобы не запачкать.

– Саша, пойдёшь, помоги женщине, – говорит Илья и машет скрюченной рукой в сторону подъезда. В здоровой он держит стеклянный гранёный стаканчик с водкой. Этот персональный стаканчик, чисто вымытый, всегда приносит с собой пенсионер и ветеран труда, изобретатель и рационализатор Прошка. Остальные довольствуются пластиковыми одноразовыми.

Сашка застенчиво, боком двигается в сторону стоящей женщины. Сашка не пьёт, поэтому весь двор, все семь домов, образующих гигантский колодец с детсадовским «Институтом маркетинга и рекламы» посередине, нет-нет, да и полагается на Сашкину помощь. Женщина робко улыбается, и Сашка идёт уже увереннее. Он бережно забирает ковер и несёт его к перекладине турника. Женщина идёт следом, держа в руке пластмассовую выбивалку.

– Симпатичная деваха, повезло сегодня Сашке! – хихикает Прошка.

– Да уж, был бы он нормален – ночь любви ему сегодня была бы обеспечена, – бормочет Илья, разливая ещё по чуть-чуть.

– Вот не повезло парню, – говорит Лёня-электрик, начиная розоветь. – Нет, Илюха, это точно бывший десант! Я тебе реально говорю! Помнишь, как он с ножом управлялся?

С месяц назад пьяненькие мужики, человек десять, обсуждали в «чайхане» приёмы рукопашного боя. Женька – самый молодой пьющий в дворовой компании – контрактник, когда-то вернувшийся из Грозного с пулей в ноге, – как обычно хвастался тем, что, мол, в детстве занимался самбо. Зажав в руке обломок ветки, изображавшей нож, он показывал, как одним ударом убить человека, всадив ему лезвие в глазницу или в шею. А то перерезать часовому горло, подкравшись сзади и зажав ему рот, чтобы не хрипел, умирая, не выдал разведчика шумом. На самом деле Женька служил в инженерных войсках, но самбо он когда-то действительно занимался, поэтому выходило довольно убедительно. Разгорячившись, он выволок в круг испуганного Сашку и велел ему стоять истуканом, чтобы Женька мог изобразить особенно эффектный – «запрещённый, пацаны, запрещённый в спорте и в кино!» – приёмчик, позволяющий напасть на человека, предварительно обманном движением отвлекая его внимание. «Тут, мужики, вся сила именно в обманном движении! Ты дёргаешься оттого, что ждёшь удара ногой, но вместо этого тебе втыкают нож под рёбра!»

Илья тогда здорово набрался, да и мужики, толпившиеся перед скамейкой, загораживали ему весь вид, но Лёня-электрик рассказал ему то, что Илья проморгал. Женька спокойно пошёл навстречу стоящему Сашке, точь-в-точь усталый прохожий, идущий вечером вам навстречу, и вдруг пружиной развернулся... и вылетел прямо в зрителей, повалив их на землю. Сашка испуганно держал ветку-нож, отставив руку перед собой. Никто так и не понял, как Сашка умудрился это сделать, а когда разгорячённый Женька схватил его за грудки, требуя повторить, Сашка расплакался. Он упал на землю и стал сдирать только-только поджившую язву за правым ухом. Илья рассвирепел. Он вытянул Женьку палкой поперёк спины, вскочив со скамейки. Но ботинок сам собой зацепился за землю и Илья рухнул рядом с Сашкой.

Все с облегчением захохотали. Женька заявил, что «дураку повезло». Мол, – раз в сто лет, мужики, раз в сто лет! – из испуганных размахиваний жертвы руками и ногами, вполне может самопроизвольно получиться приём, достойный Джеки Чана. Илью подняли, отряхнули и налили водочки. Сашку успокоили... а позже даже послали было дурачка за добавкой, но у него болела голова и Илья приказал ему идти домой. Сашка захныкал, да и время, вообще-то, подошло к вечеру, поэтому этим всё для «инвалидской парочки» и закончилось. Илья ушёл, уводя Сашку. И всю ночь у того болела голова, и он плакал. Наутро невыспавшийся и злой Илья упротер-таки несчастного выпить две таблетки спазмолгона, дождался, пока тот успокоится и заснёт, и сам побрёл в магазин. Несколько дней мысли Сашки путались, он говорил странные вещи и забывал всё, что его просил сделать Илья. Из дома в эти дни не выходил.

– Да какой он десантник! – с досадой говорит Прошка, отсутствовавший в тот вечер по причине ссоры с дочерью, забравшей его на дачу и пилившей его за то, что он отказывается продавать двухкомнатную квартиру и переехать в однокомнатную. Разницу в цене подразумевалось, естественно, отдать любимой доченьке, терпящей очередной крах личной жизни и гражданского брака, и собирающейся третий раз выйти замуж за тихого армянина, у которого были нелады с больной сестрой, и отсутствовало российское гражданство. – Пьяные вы были в жопу, как свиньи в берлоге, вот вам и все приёмы!

– Что пьяные – это да! – хихикает Лёня и оглядывается по сторонам. – Но ты бы видел, как Женька полетел! Чисто Гагарин в космос! – говорит он, опасливо понизив голос – вон они, Женькины открытые окна, на первом этаже, совсем рядом. И сквозь решётки видна его скандальная жена Лариска, суется на кухне.

Сашка расправляет складки ковра, переброшенного через перекладину. Затейливые узоры мохнатого ковра кажутся ему раскраской огромного добродушного зверя. «У такого зверя должны быть сияющие раскидистые рога, как у оленя... – бессвязно думает он. – И бока у него такие же тёплые. И дышат». Он стеснительно топчется на месте. Наконец, решившись, берёт выбивалку из нежной руки улыбающейся женщины.

– Да я бы сама, Саша... – говорит она и сразу же отходит в сторону, покурить с подружкой, у которой в коляске спокойно спит синий свёрток в кружавчиках и оборочках.

Сашка думает о том, что добрый зверь, наверное, будет рад стать чистым, и радостно хлопает по коврику. Эй, добрый зверь, не бойся, это я! Облако пыли относит в сторону прозрачный и загадочно весёлый апрельский ветер.

Глава 3

Сергей

Само Пришествие, как и все великие события, началось буднично. И если бы не расторопность и деловая хватка Сергея Любаева, – как он сам характеризовал свои легендарные действия, – человечество так и гадало бы о первых минутах того, что навсегда изменило жизнь планеты Земля. Наверное, народились бы разнообразные легенды, а учёные с пеной у рта спорили о точке Начала, защищая каждый свои координаты, а попутно и защищая кандидатские, докторские и прочие приятно звучащие научные звания.

На самом деле, всё было просто и даже буднично. Во всяком случае, в первые минуты Пришествия. И то, что мы можем *видеть* всё своими глазами, – так это Сергею Любаеву просто повезло.

Сергей ехал в своей «девятке». На переднем сиденье лежала новенькая видеокамера, купленная у друга по случаю кризиса за полцены. Ё-моё, повезло! Сергей давно хотел побаловать себя компактной «Sony», ладно укладывающейся в руку. Иринка хотела привести родителям в Горноуральск записи малыша Тимки, чтобы мать с отцом наконец-то успокоились. Привести и показать прямо на экране телевизора: вот, смотрите, живём мы не хуже, чем другие!

А то своими бесконечными звонками и редкими приездами мать постоянно доводила Иринку до слёз. И муж-то у неё формально безработный, и сама знаешь, как в наше время мужчины девок вместе с детьми бросают – он же не хочет на тебе официально жениться! И бизнес у него какой-то сомнительный, неровен час, посадят твоего Серёжку и всё ваше имущество конфискуют. Да, впрочем, какое уж там у вас имущество – избёнка на улице Щербакова с сортиром во дворе. Вот уж дыра-дырой!

Всё это шептала ему Иринка горячими ночами, когда Тимка, а он был на удивление спокойным ребёнком, тихо сопел у себя в кроватке. Нет, правду говорят, что у девушек настоящий вкус к сексу только после первых родов просыпается! И всё бы замечательно, но засыпал Сергей всегда только после того, как успокаивал вдоволь наревевшуюся жену.

И всегда злился – ну что старая карга несёт, а? Что ей ещё надо? Ну, да, купил он избушку-развалюшку на окраине! Так ведь земля – вот что в ней ценного! Мэрские уже сейчас два с половиной миллиона предлагают, сходу! Но, покрутившись среди умных людей и наведя справки, Сергей показал мэским большой кукиш. Минимум три двести, вот сколько эта земля стоит, старая ты корова, мамаша Иркина! И нечего тут свою дочь дёргать. Понимаю, конечно, что поздний ребёнок, волнуются, но...

И бизнес у него вполне нормальный. Вот-вот фирму регистрирует, созрел для этого. Клиенты постоянные есть? Есть! Платят? Платят! Что ещё тебе надо, ведьма старая?! А самое главное – своими руками и своей головой добился всего этого! Ирка ещё в школу бегала, а Сергей уже первые деньги зарабатывал. С матерью-клушкой и отцом-алкашом не разживёшься, если ждать манны небесной. Вот сам и крутился, как бобик. Первым делом три года назад

свою первую машину купил, а то весь день на ногах мотаешься, не успеваешь. Ведь не пропил первые доходы, как папаня халтуры свои – нет! А в прошлом году и домик перехватил, удачно очень. Денег на квартиру «двушку» где-нибудь на Старой Сортировке уже сейчас есть, да только зачем ему эти хрущёвки у чёрта на рогах? Продам свою избу с землёй – нормальную квартиру можно брать. Говорят, цены на недвижимость всё равно упадут. Элитки, вон, все пустыми стоят из тех, что только-только достроены. Кризис же!

А тесть пусть вовсе язык в жопу засунет. Понятно, заслуженный врач, трали-вали... да только он при Советской власти привык всё по блату, да на халяву. А когда предложили в 90-х старому дураку клинику возглавить, именем его воспользоваться и, за здорово живёшь, приличные бабки отстёгивать, так он и отказался. Нет, братья и сёстры мои, можете ли вы себе это представить?! Отказался!! Чего, мол, это я буду новых русских, этих поганых хапуг лечить? Мол, власть эта – ворюг и троечников, а он, мол, старой закалки человек!

Дурак он старой закалки, вот что. Вот и сидит сейчас на пенсии, Ельцина с Путиным-Медведевым ругает и вспоминает, как с самим секретарём обкома Свердловской области на охоту, видите ли, не единожды ездил. Втайне завидуя тем, кого ещё молодыми интернами уму-разуму учил. Теперь он весь в сияющих далях Прошлого. Смакует, старый пердун, на каких деликатесах Иринка выросла, в какие импортные тряпки одевалась, на каких югах с родителями вместе отдыхала. Каких в Сережкиной жизни той поры отродясь не бывало! А родители его в то время на заводе вкалывали и в очереди на паршивую эстонскую стенку стояли... а уж насчёт жратвы и вовсе. С восьмого класса язва у парня, представляете? Что, от хорошей еды, да?

Ну, ничего. Иринка, конечно, нервная сама по себе, но он-то, Сергей, парень закалённый и сильный. Хрен вы мне жену до истерик доводить будете! Вот подрастёт Тимка, закончит Иринка институт и некогда ей будет ваши бредни слушать, да по ночам мужу в плечо реветь!

Эх, приеду сейчас, камеру на Иринке с Тимкой опробую. Попрошу Иринку красиво одеться... очень уж она хорошенькая у меня – не перестаю удивляться, до чего же мне с ней повезло! А ночью... ночью сниму её, милую мою, голенькой. В компьютер отдельным файлом солью... запароленным... мало ли чего... на всю жизнь чтобы молодой и красивой оставалась. И будет у нас своя приват-сессия. Он, Серёга, не из тех дебилов, что своих голых жён в интернет с раскинутыми ногами выкладывают, конечно нет! Для себя, для тех Серёги и Иринки, что старыми станут. Но иногда... иногда так и хочется крикнуть всему миру: «Вот, смотрите! Вот вам и Серёжка, сын алкаша! Вот вам ваши двойки по русскому языку, вот вам совковые понты ваши и блат в спецраспределителях – *завидуйте!!!*»

Сергей представил себе обнажённую соблазнительную Иринку, одетую в белые чулочки и те, шпилечкой, светлые туфельки... и заёрзал на сиденье. В паху стало горячо и тесно. Нет, надо побыстрее до дома добираться. Как обычно, улочками и переулками, чтобы в пробках на проспектах не торчать. Вот так... поворачиваем на Серова и дуем до Щорса по односторонней.

Именно в этот момент он увидел по левую сторону от себя ярко-алый свет. В доли секунды он представил, как огонь охватывает левую дверцу. Уже повернув голову, глядя на дом и нажимая на тормоз, Сергей всё ещё видел себя, охваченным огнём «коктейля Молотова». Как, неразборчиво крича, он вываливается из машины и катается по земле, пытаясь сбить пламя, как вскипает и мгновенно чернеет... лопается кожа на руках и лице... сердце его болезненно скакнуло, глаза выпучились, нога судорожно толкалась в педаль тормоза. Машина с визгом остановилась и Сергей машинально задёргался в кресле, совершенно забыв о том, что пристёгнут. Но тут он наконец-то осознал, *что именно он видит.*

Господи, так недолго инфаркт получить! А всего-то дел, что почему-то горит фундамент двенадцатиэтажного дома. Правда, очень уж ярко горит, просто слепит глаза. Сергей потянулся

к бардачку за солнечными очками и увидел свою «Sony», спокойно лежавшую справа от него. О! О, блин, вот Иринка то посмотрит!

Почти спокойно Сергей взял камеру, опустил стекло и стал, не выходя из машины, снимать пожар. Нам всем повезло, что дом был виден ему полубоком, «в три четверти», как говорят фотографы. Это придаёт всей картинке глубину и объём.

Сергей снимал ослепительно яркий огонь, странным образом как бы выраставший из стыка стен и фундамента. Видно, как языки пламени, более всего напоминающие тонкую плёнку, неровно обрезанную поверху, быстро поднимаются вверх, как из прохода между домом 21 – какое-то время чётко виден указатель – и домом 19 выбегают люди, оборачиваясь на бегу. Как всплескивает руками, роняет наземь сумку и начинает причитать старуха, метров тридцать не дойдя до этого прохода. Пламя поднимается ровно и неотвратно и вот оно достигает двенадцатого этажа и выше. Сейчас дом похож на красивый параллелепипед, упакованный в алую подарочную обёртку с лазерной насечкой. Обёртка поднимается над крышей – отчётливо слышно, как Сергей потрясённо говорит: «Ох, ...б твою мать!» – и вдруг заворачивается наружу и стремительно несётся вниз. На секунду Сергею представляется гигантский пламенеющий презерватив, легко натягиваемый на деталь от детского набора кубиков – да-да, он хочет вслух сказать об этом, но только мычит.

В зад его «девятки» тихо въезжает «Мазда», за рулём которой взволнованная блондинка, похоже, даже не соображая, что к чему, продолжает какое-то время одновременно нажимать на педали газа и тормоза. Изображение дёргается.

Сергей пытается разговаривать с блондинкой, но и её, и его так и тянет обернуться на дом, с которым происходят совсем уж страшные вещи. Сергею хватает соображения поставить камеру на крышу своего автомобиля. Видно, как пламенеющая плёнка вдруг начинает переливаться всеми цветами радуги, а потом снова краснеет и по поверхности её стремительно проносятся меняющиеся символы, сливающиеся в неразборчивые пятна. Эти символы впоследствии будут сводить с ума, как учёный мир, так и неисчислимое количество добровольных помощников, энтузиастов-любителей, богословов всех конфессий мира и полупомешанных телевизионных проповедников.

Несколько человек уже снимают происходящее на мобильники, но наиболее чёткое и не дёргающееся изображение, конечно, принадлежит ему, Сергею Любаеву, Екатеринбург, Россия. Тем более что ему посчастливилось быть на солнечной стороне дома. Со стороны двора все свидетели в голос утверждают, что «пламя» было ярко-красным с оранжево-жёлтыми прожилками, вплоть до того времени, когда таинственная дрянь, что окутала дом, начала затвердевать и становиться молочно-белой.

Торопливо обменявшись всем, чем положено обмениваться в случае незначительного ДТП, Сергей отогнал от машины двух чумазных пацанов, уже корчащих дикие рожи и выплясывающих в бессмысленном восторге перед камерой. Плёнка загустела и покрылась протуберанцами-щупальцами, длиною до десяти метров, как можно определить по изображению. Через недолгое время щупальца втянулись внутрь, плёнка покоробилась, как засыхающий лист, и мгновенно затвердела. С крыши полетели обрубленные кабели телефонов, интернета и прочих «линий-воздушек», за последние годы опутавших все городские дома наподобие паутины.

Раздался гулкий удар, словно рядом бухнуло дальнобойное орудие. Сергея ударило воздухом прямо в лицо, сшибив камеру с крыши. Машина на мгновение приподнялась левым бортом. Её протащило вбок и назад сантиметров на пять... и всё успокоилось. Неподальёку уже были сирены пожарных, милиции, «скорой помощи», МЧС, ФСБ и прочих служб, которых в ужасе наперебой вызывали и вызывали жители всех окрестных домов.

Оглохший Сергей поднялся на ноги и поднял камеру. Почему-то ему стало страшно. С соседних домов беззвучно осыпались стёкла. Мягкий кокон, окутавший дом, на глазах медленно чернел, проходя все оттенки от белого до угольно чёрного. Через минуту он стал матовым, перестал отражать свет и окончательно застыл. От него тянуло холодом.

Сергей кинул камеру на переднее сиденье, скинул куртку, прикрыл камеру, не замечая, что к спине куртки прилипло собачье дерьмо, и завёл машину. Надо было уезжать. Надо было срочно рвать домой, выкладывать на FTP всё отснятое, срочно нарезать несколько видео сэмплов и срочно слать их в крупнейшие информационные агентства. Он сможет. Он знает, как это делается!

В салоне воняло дерьмом, но Сергей не замечал этого. Доехать! Спокойно, спокойно... нельзя сейчас торопиться... ох, руки трясутся. Главное – доехать!

Через неделю, когда потрясённый мир уже твёрдо знал, что всё произошедшее – не СМИшная утка, Сергей выторговал у CNN триста тысяч долларов, в чём, наверное, здорово продешевил. Впрочем, Иринка пищала от восторга, а долбаные тесть и теща никогда больше не донимали его жену. То есть, зудели, конечно, потихоньку, по старой памяти, но Иринку это теперь совсем не волновало, нет! Совсем! И к тому же – она действительно удивлялась и радовалась, *насколько* потрясающим может быть секс с любимым и удачливым мужем...

Сергей пропиарился на полную катушку, побывав гостем всех телеканалов города и дав за несколько дней бесчисленное количество интервью. Дела его пошли в гору. Через две недели он быстро собрался и перебрался в Питер.

Впрочем, даже и без всего этого, – случившегося, – наверное, всё у него было бы нормально. Толковый парень. Работящий. Это все, кто его знал, говорили.

Глава 4

Илья

Илья не пошёл сегодня в «чайхану». Ждал сестру в гости. Ленка обещалась прийти, как обычно, по субботам. Сам-то Илья вполне нормально управлялся с домашними делами – стирал, гладил, прибирался. Сашка помогал, а то как же! Ленка обычно ворчала, что, де, опять они с Сашкой пыль не везде протёрли, да и постирали как-то криво, без отбеливателя. Ну, и рубашки у Ильи глажены с заломами! А брата она, мол, привыкла видеть чистеньким и даже где-то шеголеватым.

Это уж точно. С детства Илья понимал, что ему далеко до двух своих братьев-красавцев. Рост, физиономии, ум – всё у них при всём! Бог дал семье Васильевых хороших детей, и мать всегда гордилась этим. А то, что Илюшенька таким уродился, так то запоздалый намёк Господа – дескать, не выдрючивайся Антонина Сергеевна, всё в Моей воле! Во всяком случае, мать так считала.

Вот и получилось, что в посёлке Медное лучше Ильи никто и не жил. Павел с Володькой любому морду разобьют, кто о брательнике ихнем не то, что слово паршивое вставит, а просто пренебрежительно в его сторону посмотрит. Сестра своего первенца Илюшенькой назвала – в честь брата младшего. Девки бесперечь у Васильевых дома толклись. Все тебе удовольствия – и братья-красавцы, и Ленка, душа незлобивая и независтливая, и музыки полон дом, и сам Илья, тогда ещё раскатывающий в инвалидской коляске. Лицом симпатичен... а к его калечеству быстро привыкаешь! Не заячья губа и не волдырь во всё лицо, всё-таки! Очень уж толков парень, во всём других первее, что школьной программы касается! И поёт красиво, и знает уйму всякого, и читает много.

Паша с Володей, те по коммерческой части пошли. Одно время Илья очень за них переживал. Мол, знаем мы эти бизнес-законы современной России. Но, слава Богу, всё обошлось!

Не стали братья ни в криминал, ни во власть лезть. Тем и пережили лихие 90-е, что отстёгивали кому надо. Крышу правильную выбрали, а это – Закон Номер Один в бизнесе. Смекаете?

Жаль только, что Илья из родного дома уехал. Ну, впрочем, отец ещё, когда жив был, предсказывал: «Что Илье с его-то головой в нашей деревне делать? Ему в город надо, в столицу!»

Поначалу братья Васильевы, когда по делам в Екатеринбург ездили, книги Илье покупали. Бухгалтерия для нашего Илюшеньки – чисто семечки лузгать! Вот и достался ему, самому первому в семье, компьютер... а позже и к сети подключили. Ну, это уже, когда Илья в Екатеринбург переехал. Павел ему квартиру двухкомнатную прикупил, считай, почти в самом центре. Что уж Илья там из интернета качает – не наше дело. Но в любой момент – спросить его о законах, о налогах, о составе правительства, о движении космических тел вокруг Земли, о том, кто из политиков кого свалит... и на какие деньги они там все в Кремле и Думе живут, – ответ будет точным!

Мать, умирая, всё старших просила о младшеньком позаботиться, не бросать его в Екатеринбурге, куда он к тому времени уже год, как перебрался. Мечтал он на заочном учиться и операцию на ногах сделать, чтобы хотя бы на костылях передвигаться. Как же, бросим мы его! Илья у нас свет в окошке! Вот только... эх... нашлась бы девушка, что *душу* в нём бы увидела, а не внешнюю оболочку!

Операция, вроде, нормально прошла. Во всяком случае, хоть с лыжными палками, но на своих ногах ходит. С коляской-то совсем беда была...

С учёбой так себе получилось, – кому они сейчас нужны, физики да математики! – но курсы бухгалтерские закончить всё-таки пришлось. И теперь бухгалтерию братьев Илья назубок знал. Дамочка-бухгалтер основную чёрную работу тянет, а Илья по телефону, да по интернету основной контроль ведёт. Живи, да радуйся!

Да только... как бы это сказать... совсем парень изменился, как за 30 перевалило.

Не то, чтобы Илье больше помогать приходилось, как раз наоборот! Как раз тогда Павел, старшенький, в гору пошёл и Володьку за собой потянул. Ленка замуж вышла, в десяти минутах езды от Ильи живёт. Жаль, овдовела. Но зарабатывает неплохо, хоть и с тремя детьми возится. Няньку нанимает. Все условия, так сказать.

Просто злиться стал наш Илья. Резкий стал... злой.

Да и то сказать, а мы бы на его месте – что? Плясали бы? Жизнь своим чередом катится, а инвалиду в ней места особо-то и нет. Вот, что бы вы на месте братьев делали? Зовут, конечно, Илью назад, к себе, да всё без толку. Улыбается только мрачно и отказывается. Говорит, проживу как-нибудь. Пенсия по инвалидности есть, ваша помощь имеется, да и я не даром ваш хлеб жую, чего бы не жить.

Ну, а водочка... она, сволочь, тем и хороша, что помогает жизни побыстрее лететь. На всех парах...

Ленка так и не смогла сегодня прийти... ах, как жаль! Позвонила, сказала, что завтра утром всей семьёй приедет. Гавриков-племянников привезёт. А сегодня, мол, с машиной нелады. Лучше уж она сегодня ей займётся, чтобы не тянуть с этим делом. Как раз к завтрашнему и управится!

– Не будет сегодня Ленки, – сказал Илья Сашке, возящемуся на кухне, – завтра приедет, вместе с поросятами.

Сашка робко поднял голову. Он чистил плиту, зная, что строгая Лена обязательно внимательно посмотрит на конфорки. Он чувствовал, что Лена побаивается его и, когда она приезжала, старался сжаться в комочек, исчезнуть, спрятаться. Нехорошо, когда тебя боятся. Это

неправильно, да! А её дети Сашки не боятся. Они с ним вместе в маленькой комнате играют. Умеет Сашка такие дома из кубиков строить, что племянники только пищат от восторга. Мосты делает вместе с ними. Нитки возьмут и канатную дорогу протянут от письменного стола к шведской стенке. Даже убирать потом всё это жаль. А Илья приляжет рядом на диване и придумывает на ходу сказку о том, как Бэтмен и Иванушка спасали Алёнушку и Бритни Спирс от злобных трансформеров. Ленка, бывает, обхохочется, слушая. А когда она смеётся, то ни Сашки не боится, ни своего брата, ставшего зачастую таким ершистым и упрямым.

«Сашка, Сашка! – в сотый раз подумал Илья. – Подрастут племянники ещё чуть-чуть и начнут стесняться дяди своего, инвалида, и его странного большого и доброго друга. Вот и кончатся тогда наши посиделки...»

– Лены не будет, – сказал Сашка, кивая головой, и стал аккуратно выполаскивать тряпку, которой уже протёр поверхность плиты.

– Ага. Так что сегодня мы с тобой остаёмся в гордом одиночестве...

Внезапно пол мягко выдернули из-под ног Ильи!

Одновременно всё вокруг окрасилось красным. Поручни, купленные по случаю в троллейбусном парке для удобства Ильи и прикрученные Павлом и Володей к стенам коридорчиков, а также в ванной, туалете и на кухне, вспыхнули ослепительными брызгами всех оттенков алого, мгновенно перешедшего в раскалённую белизну!

На исказившемся лице Сашки вскипает кожа.

Руки Ильи, вздёргнувшиеся к глазам, полыхнули трескучим огнём. Илья чувствует мгновенный всплеск пламени, вырвавшегося, казалось, прямо из-под ног, и не успев даже удивиться, а только ахнуть от мгновенного испуга за Сашку... обрушивается во тьму.

...с-с-с-с... ш-ш-ш-ш... с-с-с-с... Он тянет за собой непослушные ноги, загибая вывороченными внутрь носками ботинок опавшую листву.

...с-с-с-с... ш-ш-ш-ш... с-с-с-с...

...то не эхо там, в темноте, нет!

...эхо эхо эхо нет нет нет!!!

...это идёт за ним Сашка.

...нож

...нож-ж-ж! в его руке – нож! во имя Господа – нож!

Он смеётся и говорит... там... догоняя... за спиной! Он смеётся и говорит: «Бесы поражают также безгрешных, невинных и праведных, как Иова, и многих невинных детей!»...

Рука его хватается Илью за плечо. Пальцы впиваются в ключицу. Сашка разворачивает Илью к себе и кричит ему прямо в лицо: «Это «Молот ведьм», Илья! Это «Молот ведьм»!»!

У самого Сашки лица нет. У него нет лица, а только что-то шевелящееся и непрерывно меняющееся...

Он начинает отрезать Илье голову.

* * *

Колёса электрички стучали и стучали. Они с отцом, Пашей и Леной едут в Свердловск! Свердловск! Скоро он уже станет Екатеринбургом и надо успевать доехать. Скоро начнётся новая жизнь! Операция!

Операция... да, была операция... наркоз. Я помню!

Илья открыл глаза.

Он лежал на полу, неудобно скособочив шею. Затылок ломило. Сашка сидел рядом и, раскачиваясь из стороны в сторону, тихонько подвывал, закрыв глаза. Он колотил огромным кулаком по стене – тук-тук-тук...

Что это с ним?

Что с самим Ильёй?

– Сашка, – слабо сказал он, чувствуя, как криком кричат несчастные ступни, как в рёбра тычется неумолимая боль и разламывается голова, – ну тебя в баню, не стучи! В мозгах отдаётся...

Глава 5

Анна

– Проще всего говорить о себе, как о посторонней. Например, в третьем лице! – пробормотала Анна, с трудом сдерживая назойливое, почти болезненное желание оглянуться ещё и ещё, и ещё раз!

– Не хочу... не буду оглядываться, – Она стиснула зубы. Нет-нет! Сходить с ума нельзя! *Соберись!*

– «*Я шла не торопясь*»... глупо звучит, правда? – упрямо спросила она сама себя. И сама себе подтвердила. – Идиотская фраза! Лучше я буду писать о себе, как о посторонней: «*Немолодая женщина не торопясь, шла по улице...*».

Она положила перед собой чистый лист бумаги, вытянутый из початой пачки "Снегурочка", – "идеально предназначенной для принтера формата А4", как гласила реклама, – и начала писать.

Словами.

Вручную.

Строчка за строчкой.

Это было *правильно*.

Через несколько нестерпимо мучительных минут сердитая складка на лбу разгладилась. Лицо приняло выражение женщины, с удовлетворением наблюдающей, как её малыш строит в песочнице свои первые "домики" из песка.

Анна (дневник, начало)

«МОЖЕТ, ХОТЬ КТО-НИБУДЬ ПРОЧИТАЕТ ЭТО!

А случилось всё так.

Немолодая женщина не торопясь, шла по улице, выбиваясь из общего ритма городской суеты, толкотни и нервозности. Полная, – по нынешним вывернутым вкусам, – *статная*, как говорили когда-то. Одета недорого, но элегантно. Каблуки неторопливо цокают в такт походке, плащ расстёгнут, апрельский ветер играет русыми с рыжиной волосами. Весна наконец-то расщедрилась и женщина с удовольствием подставляет лицо теплу и ласке не жгучего солнца. В её осанке, несмотря на некоторую тяжеловесность, есть грациозность, пластика и то спокойное чувство собственного достоинства, которое так редко встречается у современных женщин. Мужчины, особенно немолодые, с удовольствием провожают её глазами...

Анна решила выйти из троллейбуса, пару остановок не доезжая до дома. Она любила гулять по городским улицам. Особенно в такие теплые, приятные дни – разглядывать людей, витрины на первых этажах домов, машины, голубей и воробьёв на тротуарах. Думать о чем-то своём... Иногда Анна даже решалась снять свои затемнённые очки с фотохромными линзами и взглянуть в глаза проходящим мимо горожанам. Но лучше этого не делать – никогда не знаешь, что увидишь... чаще всего лучше постараться многое не замечать. Да и глаза болят от яркого света, и вообще... так спокойнее.

Сегодня хотелось просто прогуляться...

Анна отложила ручку. Свеча потрескивала. Она чувствовала себя немножко Жорж Санд. Писать при свечах, выворачивать себя наизнанку...

Для кого?

Внезапно только что написанные строчки расплылись. Анна сердито вытерла слёзы, поправила маленькую свечку, немного посидела в тишине, а потом продолжила писать. Описывать всё-всё-всё...

«Салон красоты L'AMORE» – бросилась в глаза красочная витринная реклама. "Почему бы и нет? – подумала Анна – дома никто не ждёт. Сын уехал с друзьями на базу". Не торопясь, она поднялась на крыльцо и открыла дверь. Звякнул колокольчик над входом. Хм... салон! По большому счёту – обычная парикмахерская.

– Добрый день! Дамские мастера свободны? – спросила она полненькую молодую администраторшу. На бэджике крупными буквами красовалось «Лидия». Видимо по причине всеобщего кризисного состояния дел, клиенты в салоне отсутствовали, что, впрочем, не улучшало настроения Лидии. Но Анну не смутило недовольное выражение лица администраторши – ей вдруг очень захотелось поухаживать за собой – любимой, единственной, неповторимой... и – увы! – не очень-то счастливой в последнее время.

– Девочки-и-и, кто возьмётся за работу? – громко завопила Лидия, не выползая из-за стойки обслуживания. Племянница хозяина салона могла позволить себе некоторые вольности и иногда расслабиться. Тем более что клиентка её не впечатлила.

Миловидная мастер показала в дверях женского зала:

– Проходите, пожалуйста. Что будем делать?

Анна взглянула на бэджик: "Татьяна".

– Подровнять стрижку и легкая укладка, ...Таня.

С наслаждением откинувшись в кресле для мытья головы (ноги всё-таки устали от прогулки!), Анна вверила свою растрёпанную ветром шевелюру рукам миловидной Тани. Девушка ловко смочила волосы, нанесла шампунь и начала нежно массировать голову клиентке. И внезапно... – *о, нет! только не это, не сейчас!* – в мозг яркой вспышкой впились иглы тоски, тревоги и разочарования.

*...Таня скучает по своему парню, он уехал (учиться? работать?) далеко и надолго
...он пишет и звонит всё реже и реже,
...в глубине души девушка
...знает знает знает
...что
...никогда не увидит его,
...никогда никогда
...холодно об этом нельзя думать холодно
...но не может – не хочет?*

*...как жить? с чем жить? смириться?
...он ТАК целует её... он... он... такой...
...она помнит всё – он лучший лучший
...других... других... других не было
...мечется, как птичка в клетке, запутывается всё больше и больше
...милые, милые терзания обманутой молодости и отвергнутой любви...
...отвергнутой...
...милые...
...ЛЮБВИ!!!
...ЭТО УЖЕ Я, АННА, ДУМАЮ!
...ОСТАНОВИСЬ!!!*

Кожа на кончиках пальцев рук стала чувствительной, как от ожога горячим маслом, губы пересохли, грудь налилась тяжестью, соски напряглись, низ живота заломило...

Усилием воли Анна захлопнула дверь в чувства чужого человека. Возмездием... наказанием будут головная боль, зуд где-то там – за висками, и – давление на глаза. Анна знала – сейчас в зеркале вместо серо-зелёного лучистого весёлого взгляда она увидит усталые темно-оливковые глаза 42-летней, умудрённой жизнью женщины. "Спокойно! Спокойно, Аня! Глубоко вдохнуть, и – не дышать! Как в кабинете флюорографии... так... хорошо! А теперь медленно-медленно выдохнуть всё без остатка – все мысли, все чувства, все эмоции. Это не твоё, это чужое – отпусти! Вот так... уже лучше... молодец".

– Волосы подкрасить не желаете? – Анна вздрогнула от неожиданности. – Корни у вас седые совсем.

– Нет, спасибо, Танечка. Я уж сама, дома. Дорого краситься... в салоне-то.

– Да, цены у нас, конечно...

Таня оказалась отличным мастером: волосы Анны ложились идеально, именно так, как ей хотелось. Девушка о чём-то щебетала во время работы, но Анна сидела в кресле, изредка машинально кивая в ответ и думая о своём.

Последнее время что-то тревожило Анну. Она не находила себе места, тоска наваливалась с новой силой. Время от времени у неё появлялось желание всё бросить и уехать куда-то... но инерция размеренного существования, – стабильного, пусть и небольшого, дохода, – неуверенность в своих силах, удерживали её. Страх перемен и потребность в переменах разрывали её надвое. Можно было списать это на запоздавшую весну, но своим внутренним зрением Анна видела: что-то не так, что-то должно произойти! Это пугало, не давало покоя ночью, зудело в висках днём.

– Ну вот, готово! – Таня заботливо улыбалась в зеркало из-за плеча. – Рассчитаетесь у Лиды на "рецепшине".

– Благодарю, Таня. – Анна внимательно посмотрела в глаза девушке – Удачи вам, милая... в вашей любви!

– Спасибо... – голос у мастера внезапно дрогнул, – приходите к нам ещё.

Колокольчик над закрывающейся дверью прощально звякнул. Таня прислонилась к стойке администратора.

– Какая клиентка, а? Я бы целый день с ней работала.

– Ничего особенно! – Администратор недоумённо пожала плечами. – Толстуха, а корчит из себя благородную даму. А на лице написано – *одинокая*... и денег вечно нет. Чего её к нам занесло?

– Дура ты, Лидка! – Таня вздохнула и вернулась в зал приводить в порядок рабочее место. "Если вечером позвонит Игорь – соглашусь встретиться. Сколько можно по Валерке тосковать?"

– Да, Лидуся, ты не права! – стилист-визажист «голубоватый Эдик» небрежно развалился в кресле. – Совершенно обворожительная женщина. И куда только мужчины смотрят?

– На тебя, Эдичка, – ехидно фыркнула администраторша.

Пенсионерка Мария Васильевна охотно вмешалась в разговор. Бывшая учительница литературы сейчас подрабатывала в салоне уборщицей и готовила горячие обеды для персонала.

– Эх, молодёжь! Встречала я раньше таких женщин, – редкий по нынешним временам тип: внешне мягкий, беззащитный, слабый на первый взгляд. А внутри у них – стержень стальной. Такой, знаете ли, сгибаемый, но не ломающийся. То есть по жизни – доброта, понимание, отзывчивость. А в минуты экстремальные – откуда что берётся? Тогда этот стержень любые нагрузки выдерживает. Это тоже сила, но другая – её не видно. Вот у меня, у одной девочки в классе мамочка была, на ЗиКе работала, ну, знаете, «Завод имени Калинина», где ракеты делают. Конструктором была... красавица женщина! Так она...

– Ну, попёрло! "Вот какие мы были когда-то! Мы в ваши годы!" Это всё было... было и прошло, Марья Васильевна. Сейчас совсем другое время! Обедать-то будем? – вмешалась Лида, недолюбливающая чересчур *грамотную* уборщицу, напоминавшую ей классную руководительницу, называвшую её «фифой». Вот и надраивай теперь полы... а «фифа» в люди выбилась!..»

Да, вполне быть может, что этот текст криво написан! Критики вы литературные, эстеты хреновы... тьфу! А вот не верю я вам!!! Вас-то нет никого. А я – здесь! Я ЗДЕСЬ! Теперь именно я – единственная в мире писательница... и читательница тоже, да!

Она отхлебнула немножко холодного растворимого какао из керамической кружки, вздохнула, машинально поправила волосы и продолжила...

«... Анна свернула с шумной улицы в арку. Двор был заставлен машинами. За день дворники подмели территорию и вымазали штaketники извёсткой. На деревьях зеленели набухшие почки, нежная травка освежила затоптанные газоны. Двор выглядел нарядным и праздничным, но ощущение внутренней тревоги не проходило. Она вдруг вспомнила, что хотела зайти в магазин, купить что-нибудь на ужин. В холодильнике почти пусто. Но было лень возвращаться. Анна поднялась на свой второй этаж и открыла дверь квартиры. Тихо. В комнате Вовки порядок – уезжая, сын прибрал свои вечно разбросанные вещи.

Помешивая ложкой какао в любимой кружке, Анна подошла к окну. Окошко Вовкиной комнаты глядело во двор. Но кухня и комната Анны с лоджией выходили окнами на проезжую часть улицы Московской, тянувшейся вверх, в Московскую горку. Хорошо – дом на пригорочке, это уже, считай, по высоте мой второй – как обычный третий этаж! Все первые этажи здесь, на Московской горке, заняты магазинами, салонами, конторами и ещё бог знает чем. Шумно, суетливо по-городскому, даже мегаполисно...

И только под утро на два-три часа наступала благословенная тишина. Прихлёбывая горячий напиток, Анна задумчиво смотрела на проезжавшие внизу машины.

Муж всегда всё решал сам. И всегда всё делал так, как говорил. Он всегда считал, что поступает правильно, по-мужски. Сказал – точка! "В этом сила духа настоящего мужчины, – говорил он, – приняв решение доводить дело до конца. Чего бы это ни стоило".

Да! Чего бы это ни стоило...

...всегда...всегда... ох, дурачок...

...дурачок!

Развод. Он так вдруг решил. Три года назад. Ему это ничего не стоило.

Ей было 39 лет, а сыну 19. Парень заканчивал в университете второй курс дневного факультета. А теперь они с сыном остались вдвоём... одни.

Спустя год одиночества Анна вдруг почувствовала – ещё немного и жить просто не останется сил. Надо было что-то менять. Однажды февральским субботним утром она села за компьютер, открыла новый текстовый файл, и... пальцы замелькали над клавиатурой. Слова складывались в строчки. Строчки – в стихи и рассказы.

Анна сохраняла свои работы на сайте в Сети. Не беда, что читателей было немного, – главное, что ей это помогало взглянуть на жизнь другими глазами и освободиться от многолетней зависимости... зависимости от правильного «твёрдо, по-мужски». Мужа, так неожиданно предавшего её... а неожиданно ли? Она предпочитала не думать об этом.

...сейчас зазвонит телефон, – Анна чувствовала это и замерла.

Так и есть – Вовка!

– Мам, ты как? У меня всё хорошо, тут компания такая нормальная подобралась. Я буду послезавтра. Не волнуйся, о`кей?

– Да, сынок, конечно. Отдыхай...

Вот. Вот оно, снова! Одновременно с художественным видением к Анне пришло это непонятное состояние. Третий глаз? Ерунда! Что-то иное. Наверное, это обострённая женская интуиция. Она видела чувства и эмоции посторонних людей. Особенно в моменты волнения, радости... любого стресса. Иногда достаточно было просто взглянуть в глаза проходящему мимо человеку. Сегодня в салоне... она просто на доли секунды перевоплотилась в Танечку!

Плохо. Анне не нужна была такая способность. Знания о незнакомых и знакомых людях – не такая уж и приятная штука. Пропускать через себя чужое... когда и своих проблем хватает!

Порой это внутреннее зрение преследовало её непрерывно. Спасением было творчество. Всё туда – на страницы, в стихи, в тексты. Нет компа под рукой – в тетрадку, шариковой ручкой по старинке... свои и чужие чувства, страхи, мысли, дела... потаённое и наносное, открытое людям и тщательно скрываемое...

Это было ужасно.

...зато иногда Анна *неделями* не чувствовала никого и ничего. В эти дни она отдыхала. Но и не писалось тоже! *Ничего* не писалось, правда! Такая, вот, странная зависимость образовалась...

Именно поэтому на завтрашний день Анна взяла отгул. Она собиралась выспаться и посидеть за компьютером – очередная история "просилась на свободу".

Какао уже начало остывать. Допив остатки и откусив печенье, Анна включила компьютер. Подумав, открыла свой шкафчик и достала маленькую шкатулку из бересты. На дне лежал старинный нательный крестик. Вещь была дорогая и необычная. Мастер, отливая крестик из золота, постарался придать ему структуру дерева, сделав сам крест простым и лаконичным. По краям изделие украшала искусная резьба, напоминающая узкое кружево. Главным для Анны было то, что в пересечении перекладин – не фигура распятого Иисуса Христа, нет! – огранён-

ный овальный камень, каплей крови застыл на тяжёлом и теплом золоте. Казалось камень жил своей жизнью – внутри его время от времени появлялись тёмно-красные искорки. Да, конечно же, это свет так преломлялся в гранях камня! Но это завораживало Анну и, – странным образом успокаивало. Анна нечасто надевала этот крестик, слишком уж он бросался в глаза.

Анна надела украшение, застегнула цепочку, как всегда ощутив на груди знакомое. Убрала опустевшую шкатулку в шкаф, шагнула к столу, где матово мерцал монитор...

...её швырнуло на пол!

Пытаясь не удариться головой о кресло, она вытянула руки... и они увязли в чём-то тёплом и скользком. Теряя сознание, она успела подумать: "Вот и всё! Анна, ты нашла решение всех проблем! Точнее – оно нашло тебя!"

Удар был мягким, но тяжёлым, словно на несчастную, свежепричёсанную в элитном салоне "L'Amore" голову обрушился увесистый мешок с песком...

Глава 6

Илья

«Жалость унижает человека!». Илья Васильев с удовольствием узнал бы о том, что автору этой расхожей фразы на том свете черти вывернули стопы ног носками внутрь, окостенели бы ему все суставы ниже щиколоток, до предела натянули бы жилы в полусогнутых коленях, а напоследок вывернули бы кисть левой руки. После этого в руки дали бы лыжные палки и отправили бы искать того, кто бы унизил его жалостью. На пару тысяч лет.

«Паршивый человечик был, не иначе! – злобно подумал Илья. – Пусть я не помню, кто сморозил эту дурь, но этой своей фразой старая гнида выдала себя насквозь!»

Милосердие. Он всё знал о нём. С детства. С младенчества!

...а ты чего такой кривой?

...я болею я болею я болею...

...ты маму не слушался, да? Мама! Тут такой мальчик кривой в колясочке!

...кривой кривой кривой я болею это это это

...кривой...

...а я буду с мячиком играть! А ты в своей колясочке сиди!

...Машенька!!! Так нельзя говорить!!!

...кривой...

Жалость. Илья часто думал о ней. Как и все инвалиды с рождения, он, сколько себя помнил, обладал болезненной чувствительностью на любое проявление фальши по отношению к себе. Интонация, жест, подбор слов в банальной фразе, обращённой к уродцу, возлежащему на кровати... и зачастую просто тужащемуся в подкладное судно. Запоры... профессиональная болезнь всех лежачих больных...

На его пятнадцатилетие, когда врачи Илье в очередной раз воткнули в кости спицы, пытаясь каким-то новомодным способом выпрямить его несчастные ноги, весь 8-А класс завалился к нему в больничную палату с подарками.

Сюрприз!

Илья знал, что основательно прикрыт одеялом – спасибо маме! – но лежать на толчке и смотреть на раскрасневшихся от собственного милосердия одноклассников... это...

...это было кошмаром.

Лариска... красивая, ловкая, чем-то похожая на подружку Mad Squirrel, мультики о котором пришли в Россию много позже. Лариска, за один ласковый взгляд которой он отдал бы свою никчёмную душу! Лариска, отбивая по больничному линолеуму такт носком белой кроссовки, торопливо читала какой-то стишок, явно сочинённый общими усилиями всего класса:

*Выздоровливай, Илья!
Ждёт тебя домой семья!
Ждут тебя твои друзья,
Наша «классная» и я -
Лариса Ин-но-кен-тье-ва!
С днём рождения поздравляем,
Счастья, радости желаем...*

Тыр-тыр-тыр-тыр...

Она торопилась – у неё же *тренировки*. Тренировки в секции фигурного катания.

Мишка Дронов, странным образом получивший ещё в детстве кличку Нацист, – возможно за вечно поблёскивающие на носу круглые очки а-ля Гиммлер, а-ля Леннон, а-ля Берия, – Мишка Дронов сиял лицом. Он только что удачно подцепил бугаю Копычу на воротник записку «Пни меня!!!» и благополучно сместился в центр толпы одноклассников, зарабатывая себе железное алиби...

Да, они любили Илью. Любили и знали, – да, в глубине сердец они *знали!* – что Илья останется там же, где и последний звонок, белые фартучки, мел, физкультурные маты и парты, изрезанные сакраментальными: «ACDC» и неизменными «Гюльчактай + Нацист = не порви мне целку!!!»

«Нет, други мои, нет! Милосердие мало известно инвалиду с детства! – смутно подумал Илья, пытаясь встать. – *Настоящее* милосердие...»

– Что за хрень, Сашка? – спросил он слабым голосом. – Землетрясение на Урале?

Сашка не ответил. А что, собственно, Илья ожидал услышать от своего друга?

* * *

Они стояли на лоджии первого этажа и смотрели на двор. В сером тумане, взвесью в мутной жидкости, проступали ближайшие ветви тополей, но стволов уже не было видно. Тишина была мёртвой.

«А вдоль дороги мёртвые с косами стоят. И тишина...» «Нечистая!!!»

Как мы смеялись в детстве, глядя на косоглазого Крамарова в смешной папахе, разводящего руками у костра.

«Бурнаши мост подожгли!»

...дым? туман? авария?

Полумрак наваливался на него невыносимой тоской. Почему так тоскливо? Почему? Живы – и слава Богу! Небось, не вымерли...

Чёрт, а что если это – смерть?

Глава 7

Мэр

Никто не любит непредвиденных обстоятельств, никто! Вот скажите на милость, надо ли городским и областным властям такая напасть, как Пришествие? Ну, Москве – той всё по барабану, а нам, уральским? А уж буча поднялась – хоть святых выноси. В мэрии и местном МЧС за голову схватились. Напасть почище, чем взрыв на Сортировке в 1989 году!

Мэр только-только оправился после апрельских событий с массовыми выступлениями пенсионеров, а тут на тебе. И главное, все недовольны! Жители 21-го дома, которые вернуться в свои квартиры не могут – орут. Ищи им места в гостиницах. Хотели, было, их всех в пустующей свежесданной элитке поместить – строители на дыбы встали и заломили такие цены, что полбюджета городского отдай и то не хватит. Соседние с 21-м домом жители орут и сопротивляются СЭС, которая вздумала по всей окрестности с дозиметрами и газоанализаторами шастать.

При каждом специалисте, – а они со всего мира прут и прут! и каждому лизни, споспешествуй, обеспечь! – по два милиционера с оружием, а то народ озверел вконец. Стёкла, как водится, привезли, чтобы по округе окна стеклить, так перетаскали этой халявы столько, что на сотни теплиц хватит. Едва раздачу упорядочили – Шойгу из Москвы примчался и кулаком по столу – эвакуировать весь прилегающий район, мать вашу так и переэтак. Семидесятую школу с английским уклоном – гордость нашу, выселили, в штаб превратили. По классам, да коридорам офицеры, учёные, журналисты и прочая братия на раскладушках ночует – бардак!

ФСБ и УВД перегрызлись мало, что не до стрельбы. Такое дерьмо на шею себе вешать не хочется, но с другой стороны, случись чего – можно и через чин вверх перепрыгнуть, а то и орден схлопотать, а? Вот и шлют друг другу гневные письма, орут друг на друга в телефоны и все вместе дружно жалуются в Москву. А тем временем горожане и приезжие всеми правдами и неправдами через оцепление пробираются. Да и словечко это – Пришествие – как-то само собой из воздуха возникло... и все с ума посходили.

Престарелые хиппи с кришнаитскими кучками чуть ли не крёстным ходом идти собираются. Особо опасные уже и «сталкерами» себя называют, в Зону рвутся, артефакты разыскивать, с неведомыми космическими Странниками знакомиться. Церковь воды в рот набрала, помалкивает. А уж им-то сам Бог велел паству успокаивать! Да только какая там паства... бабоньки несчастные, чьих детей в Чечне поубивали, да жизнью раздавленные, кто водку пить не хочет и хоть малейшего утешения ищет. А им это Пришествие вроде падения кометы Шумейкера-Леви – ушедших не вернёт и жизни не наладит.

Из Академии наук полторы недели ни ответа, ни привета не было, да вдруг навалило их туева хуча и все бумажками размахивают, мол, пропустить, не чинить препятствий, всячески споспешествовать, всемерно помогать! Разместить их как можно ближе к дому, да подачу электроэнергии обеспечить, да связь бесперебойную, да охрану оборудования, да еду-питьё, да... да мало ли чего?

Часть горожан, кто побогаче, из города свалили. Грех сказать, ни в облдуме, ни в гордуме кворума набрать не смогли, хотя, между нами говоря, на кой хрен они нужны, эти заседания? Тут успевай, крутись по 25 часов в сутки, чтобы хоть как-то эту кашу разгрести. И понять людей можно – кто его знает, что за штуковина такая в городе объявилась? В 1986 году в Киеве тоже уверяли, что, мол, ничего страшного, хоть вылизывай асфальт и объедай листья с каштанов. А потом – хлоп! – слейте воду, тушите свет и ждите рака крови. Нет, лучше уж за городом отсидеться, благо погоды нынче стоят хорошие... а то и вовсе дёрнуть куда подальше, а заодно и капиталы вывести.

А тут ещё и армейские всполошились, наконец. Загрохотали по улицам БТР, встали на перекрёстках блокпосты, забежали солдатики туда-сюда. Цирк, ей-богу, цирк, гори оно всё синим пламенем!

Что уж про прессу говорить... той понаехало – не продохнуть. Ну, с местной шантрапой разговор короткий. Приучены уже лишнего не болтать и начальство нахваливать, а вот с иностранными щелкопёрами ума не приложишь, что делать. Да что там говорить, вон, давеча выясняется, что полмира целый день чёрным коконом в прямом эфире CNN любовалось с самой, что ни на есть выгодной точки. Что, где, откуда? А всё просто, друзья мои! С крыши завода «Промсвязь», где, кроме армейских наблюдателей и быть-то никого не должно! Высотка административного здания завода как раз напротив дома, через улицу расположена. Ста метров не будет по прямой. И что интересно, сунулись ловить засранцев... а тех нет уже. Говорят, опоздали с задержанием. Пост на крыше погонями и мамой родной клянётся, что, мол, не было здесь никого. Это, дескать, из окна этажом ниже! А там уверяют, что у них и муха не пролетала. И морды у всех масляные, и у солдатиков, и у учёных, и у ментов, не говоря уж об армейском начальстве... чёрт бы побрал нашу вечную коррупцию!

Одно хорошо – весь мир теперь мэра фамилию знает. Здесь главное, два раза в день в штабе интервью давать и расписывать, как ты в этой ситуации крутишься-вертишься, спасашь положение. Бей себя в грудь, рви рубаху, води за собой денно и ночью двух операторов, небось не вспотеют. И гнать всё это в эфир на своём заведённом давно, ещё в 90-х, личном телеканале. А других репортёришек, из местных, по мере возможности – гнать взащей! Пусть нашими видеоматериалами пользуются. Все видеть должны, что наш мэр недаром свой хлеб жрёт: ночей не спит, днём не зевает, в каждой бочке полезная затычка и вообще – единственный, кто пытается во весь этот хаос внести некую струю организованного порядка. Этому нас учить не надо. Слава Богу, пятнадцать лет на этом посту, тёртые калачи! Лысый Лужков может сесть на попу и отдыхать. Нет теперь в России другого, более популярного градоначальника... и кепку дурацкую носить не надо. А губернатор у нас старенький... смекаете? Глыба, исполин, конечно, но старость-матушка и не таких к земле гнёт...

Эти мысли мелькали в голове мэра Екатеринбурга, когда кортеж чёрных машин мчал его в составе губернаторской свиты в аэропорт Кольцово, где уже заполошно суетились, готовясь срочно встречать самого президента с невиданно многочисленной свитой...

Чёрт, спать хотелось невероятно! Голова, как чугунок с горячей кашей. Недосып – вот хроническая болезнь любого толкового хозяйственника. «А я – толковый хозяйственник, – подумал мэр, прикрыв тяжелые веки. – Это тебе, господин губернатор, не с папским нунцием и архимандритом московским в резиденции встречаться, конфессионные проблемы Пришествия решать. Чужую беду – руками разведу... ха! А ты реши, старый пень, хотя бы одну маленькую проблемку. Да срочно реши! Да в ряду сотни других, важных и срочных! Сам знаешь, что в России любой чинарёк на себя ничего брать не собирается, если не круглый дурак. Нет, господин губернатор, чинарёк всё на меня, на мэра сваливать будет, пока я лично так ему мозги не прочищу, что страх потерять свою синекуру перевесит перед страхом ответственности.

Реши-ка, к примеру, простенькую ситуацию – сортиры уличные. Зачем? Ах, ты и не подумал? А между тем солдатики, демонстранты, учёные и менты, зеваки и журналисты – все, извиняюсь, по кустам и близлежащим подъездам гадят. Извини, господин губернатор, но квартирки в соседних домах с боем берут, с мандатами от Реввоенсовета... тьфу! – от Чрезвычайного Научного Комитета... где сидят старые пердуны и только о своих дифференциальных уравнениях, интегралах и прочих постоянных Планка думают. И в квартирках этих по двадцать человек набивается, да! А тут ещё бывшие жители порываются не только мэрию спалить, но и в оцеплённую зону прорваться и передушить всю эту чёртову ораву, которая несчастным и ковры измочалила, и сортиры забила, и мебель перехряпала. Ну, и требует таких немисли-

мых компенсаций за потерянное жильё и сгинувшее барахло, как будто, – чтоб их всех чёрт побрал, – стены их малолитражек из золота выложены были!

Мэр вздохнул и внезапно почувствовал такую усталость, что неудержимо потянуло буркнуть водителю, чтобы тот поворачивал обратно – да ну их всех! Лечь, выспаться, принять душ, побриться не спеша, ещё раз послать всех нах... – и уехать на дачу.

На озере сейчас хорошо... тепло и солнечно! Знай себе, в земле ковырайся, да пивко потягивай...

Глава 8

Президент

Президент был деловит и сух. С неудовольствием приняв хлеб-соль, он тут же передал его куда-то вбок и сходу взял быка за рога. Прессе было сказано, что всё основное президент скажет прямо на месте преступления... тьфу! – происшествия. Имеющиеся в свите президента научные светила тоже выложат своё материалистическое мнение на расстоянии не более ста метров от малоизученного явления природы и вообще – наши цели определены, задачи поставлены – за работу, товарищи! Ввиду того, что всё происходящее весьма смахивало на некое стихийное бедствие, президент был одет в лёгкую кожаную курточку-поддержайку, демократично расстёгнутую по случаю тепла.

Вся свита понеслась в город. В салоне президентского автомобиля было в меру прохладно. Неплохую, кстати, тачку приобрёл губернатор, неплохую. Прибарахлился тут, нашими милостями... резиденцию отгрохал – мини-Кремль земли Уральской...

Президент выслушивал губернаторский доклад, стараясь не обращать внимания на мелочи и ухватить проблему в целом. А проблема стояла нешуточная. Никто ничего толком сказать не мог. «Вот не было ничего, а через минуту – бац! – появилось, Бог его знает откуда. Не то безопасная игра природы, не то предвестник Апокалипсиса», – вот, собственно и всё, что могли сказать наши прикладная и академическая науки по этому поводу. Поутру brave вояки тоже докладом «порадовали», оказывается, ночью один из снайперов сломался – выстрелил-таки по кокону. Хорошо, что с глушителем. Никто выстрела и не заметил. Видимых изменений в коконе не произошло. Пуля то ли срикошетиговала, то ли в кокон вошла – все только плечами пожимают. Нервного снайпера повязали и выпнули подальше, а теперь готовят приказ об отчислении его из рядов спецназа. У населения массовых психозов пока не наблюдается, но все на нервах. Опять-таки, почему? Руками разводят. Нет изменений ни в воздухе, ни во всех известных нам видах силовых полей. Позавчера всполошились было – селен в воздухе резко подскочил, – караул, застава в ружьё! – да за несколько часов с облегчением выяснили, что принесло его с северной стороны, из Верхней Пышмы, с медеплавильного комбината.

А самое главное, чудом Господним из людей в доме и не было толком никого! Вот уж гадай, совпадение или Божий промысел? Из прописанных жильцов – инвалид с первого этажа один в доме остался. Ну, и случайных, может, человека два-три. И всё. *И всё!!!* Вот, скажи кому – не поверят!

И не верят, между прочим. Слухи идиотские ползут, что, мол, военные свои дела втихомолку мутили-мутили и доигрались, наконец. Америку, мол, догоняли, как всегда. Ну, и пукнули из какой-то научно-космической пукалки, и в дом угодили, и теперь помалкивают в тряпочку, а зараза, мол, от дома ползёт неизученная, но злая и невероятная. И в доме том, дескать, три тыщи народу из заключённых сидят в целях военного эксперимента по контролю над разумом. Да белых мышей две тонны. А на крыше привязаны обезьяны – мученики Большой Науки и плачут кровавыми слезами, тонкие слабые лапки к людям с мольбой протягивают.

Тьфу! Бред какой-то... а ведь верят!

В Думе обнаглели – запрос сделали, паразиты, к министру обороны... спасибо, очень вовремя. Ничего не скажешь, поддержали всенародно выбранного. Мэр у них тут и то толковее. Но и тоже – хитрый мужик. Явно в губернаторы метит...

Надо с юмором сказать пару фраз из подготовленных. Но и не вольничать. С одной стороны показать, что дело житейское, а с другой, что мы относимся к нему с максимальным вниманием. Ну и сообщить о плане создания Международной Научной Комиссии (МЕНАКОМ – красиво звучит!) под эгидой ООН. С этой стороны как раз у нас задница прикрыта, это хорошо. Упредить надо только Барака Обаму, чтобы он первый об этом не сказал, такие вещи всегда приятно действуют на массовое сознание. Так, мол, и так, «мы предложили международному сообществу»... и все – ура! батюшка наш, благодетель, а то мы сами-то не догадались бы.

Губернатор торопливо сказал:

– Вот мы и подъезжаем!

«А то я не вижу», – подумал президент и стал смотреть в окно.

Вот он, кокон!

Президент немножко погордился собой. Надо же – приехать *сюда*, на то самое место, о котором в «Эхе Москвы» известный ватиканский теолог сказал: «Возможно, именно здесь Господь решил дать шанс человечеству осознать, КАК далеко всё зашло!»

Однако... говённо он смотрится, этот чёртов кокон!

...притащился тоже мне рейтинг...

...может повернуть? может...

...рейтинг...

...уехать!

Президент молодецкато расправил плечи и легко выбрался из машины. В толпе закричали и замахали руками. Пора было, состроив многозначительную мину, начинать отрабатывать горький президентский хлеб.

– Я обращаюсь к гражданам России, ко всем людям планеты...

Он говорил, делая многозначительные паузы, собираясь с мыслями и твёрдо глядя камере в объектив. Всё было привычным – боковым зрением он отмечал штатную суету охраны и прессы. В толпе бормотали, кашляли и чихали. Всё, как всегда.

Вот только стоило больших усилий не поворачивать голову, чтобы ещё и ещё раз взглянуть на гигантский кокон. Президент боялся, что, взглянув на огромную чёрную мразь лишний раз, его глаза *вытекут*.

Страх был детским, это правда. «Я же взрослый человек! – бессвязно подумал президент, продолжая говорить. – Я прекрасно понимаю – это всего лишь... это просто феномен такой...» – и поймал себя на том, что, подняв правую руку, судорожно прижал её к сердцу. Вот уж незачем! Что это с ним? Он плавно отвёл руку, показывая на кокон:

– ...социальной напряжённости. Я ещё раз повторяю – мы не допустим того, чтобы определённые силы спекулировали на природе этого феномена и его местонахождении, пытаясь дестабилизировать...

Пронесло, не споткнулся!

Он чувствовал, что вспотел. Оставалось ещё три-четыре минуты и – слава Богу! – можно закругляться. Пресс-конференцию лучше всего провести по запасному варианту. Не здесь, нет! Прямо в актовом зале школы-штаба. Там, на всякий случай, тоже всё подготовили. И идти всего метров тридцать... там хотя бы за стенами будешь...

– Мы призываем международное научное сообщество в очередной раз продемонстрировать, что наука, научная мысль всегда стояли выше конфессиональных, расовых и иных политических различий. Создание МЕНАКОМа позволит нам в максимально возможные сроки ответить на наиболее волнующие вопросы...

«Тётя Оля! Тётя Оля! Тётя Оля! А вашему Витьке песком в глаза насыпали! Баба Лена «скорую» просит вызывать!» – выпалили в голове писклявым голосом Лидки со второго этажа.

*...больно страшно больно!
...ослеп я ослеп я ослеп!!!
...мама! мама...
...мама будет ругаться...*

Нет-нет, я не буду смотреть на кокон!!!

– Я не хочу слишком долго... – начал президент и осёкся в ужасе. Боже мой! Он чуть было не сказал вслух, сам не зная, почему: «Я не хочу слишком долго торчать здесь, где песком выедает глаза!»

– Э-э-э... я не хочу, чтобы мы слишком долго «раскачивались»... э-э-э... в структурировании многочисленных вопросов, вызываемых феноменом... и... э-э-э... вычленили из всей гаммы... наиболее важные... э-э-э... наиболее знаковые и масштабные.

*Да что же это со мной?!
Зачем зачем ЗДЕСЬ???
...пусть бы Обама пусть бы в Америке...
...глаза...*

– Таким образом, мы берём на себя обязательства обеспечить максимальный доступ к феномену всех квалифицированных специалистов и ждём понимания со стороны мирового сообщества!

...три минуты говорю целых три минуты пора уходить уходить уходить!!!

Глава 9

Корреспондент

Злополучный дом в чёрном коконе показывали президенту у школы. Школа стоит на низком пригорочке. Наискосок – метров сто пятьдесят через перекрёсток до дома, не больше. Ну, и президентская охрана настаивает. Упасти Бог, чего случится, в школе и бомбоубежище имеется, и футбольная площадка, где вертолёт дежурить будет, и вообще – там чрезвычайный штаб расположен. Словом, во всех отношениях удобное место. Да и прессе есть, где развернуться. Открытое место этот перекрёсток. Лишь бы за ограждение не лезли. Президент лично приказал, чтобы на встрече не было никаких толп с портретами, флажками и прочими выражениями верноподданности. Пусть в охраняемой зоне будут лишь те, кто имеет на это право в силу служебных обязанностей, да!

Однако народу накопилось немало. Умудрялись проскользнуть как местные жители, так и приبلудный народ, за последние дни понаехавший в Екатеринбург со всех уголков земли. И то сказать, пойди, уследи за всеми! Из городских ментов, считай, всех, подчистую, на охрану

поставили – бдите! И чтобы комар носа не подточил! А всё равно – не хватает. Армейским и тем доверять нельзя. Что внутренним войскам, что курсантам артиллерийского училища, что прочим нагнанным военнотружущим. Не раз и не два пропустят за деньги, за водку, за сигареты. На свой страх и риск, конечно. Менты выловят – на нас не жалуйся, так и скажем, что мы, мол, тебя вообще в первый и последний раз видим.

Одного прихватили, грех признаться, у самого кокона. Взбаламученный такой, борода-тый мужик, явно не от мира сего. На шее иконка, на плечах серая хламида, в руках корявый посох, в глазах безумие – так к кокону и рвётся. Но те, кто близко подходил, знают, что помимо того, что от чёрной заразы холодом несёт, так ещё и кости и зубы начинают ныть. И чем ближе, тем сильнее... в геометрической прогрессии.

Живодёры биологи-физиологи собаку в клетку посадили и стали на выносной стреле крана поносить бедное животное к кокону. Ох, и взвыла, бедная! Да ладно бы остановились, паразиты, так они стрелой прямо в кокон и тычут. Тут несчастной собаке и вовсе плохо сделалось. Пока туда-сюда, все датчики, которыми дворняжку облепили, как с ума сошли. Пульс – запредельный, температура упала, судороги, пена из пасти и все прочие неприятные явления. Вытянули клетку обратно, дверцу открывают, а бедная Жучка мёртвая уже. Поволокли её на вскрытие, а она вдруг задёргалась, цапнула мужика-лаборанта за руку, – гермокоستم прокусила насквозь! – вырвалась и рванула куда подальше, поджав хвост. Так и чесанула по Серова в сторону Зелёной Роши у храма Александра Невского и там, в кустах и соснах затерялась, так и не нашли. Думаю, повезло собаке, что не нашли! Поскольку укушенного ею лаборанта теперь распатронили не хуже Жучки. Анализы, соскобы, рентген, «телевизор» в задницу, кишку в желудок, томография головного мозга, пункция позвоночной жидкости, постельный режим в герметизированной палатке... и чтоб у меня ни одной пылинки наружу не вылетело, не то всех под трибунал!

Так что наш богоискатель с иконой до самого кокона не дошёл, скукожился. Выволокли его и ФСБ сдали. Нехай они мужика сами трясут, авось что и вытрясут по ихней части. А по нам – и так видно, что мужик чокнутый. Поскольку на сакраментальный вопрос перепуганных и злых ментов: «Ты кто такой, с-с-сука?!» – человек просветлённо ответил: «Гэндальф!»

Все эти слухи, байки, разговорчики в строю и прочий народный фольклор пропадал у репортёра Форманчука абсолютно бесполезным хламом. Нельзя, понимаете? Нель-зя-а! Всех российских журналистов брали под белые руки и проникновенно заглядывали в глаза. Вот что, дорогая гиена пера, входи в положение. Кризис на дворе, понимаешь? Народ и без того нестабилен и если ты тут, гнида, начнёшь панику нагонять, то... сам понимаешь, не маленький. Будет тебе ещё время всю правду рассказать, книгу написать или цикл телепередач замутить – будет. А сейчас нажимай-ка лучше на научные пресс-релизы. А если тебе неймётся, то можешь расписывать в золотых и розовых тонах слухи о том, что, де, Богородица знак нам явила – плохо живёте, товарищи. И друг друга не любите, и природу, вашу мать, и власть, которую сами же выбирали. Вот и наслала Она на нас скверны знак, чтобы одумались, покаяться и занялись, чёрт возьми, наконец-то, делом, а не распространением безответственных слухов!!!

Форманчук выплюнул докуренную до фильтра сигарету и достал другую. В отличие от молодняка, он давно уже не считал себя ни вторым Познером, ни первым Малаховым, ни равноподобным Парфёнову. Он и в телевидение-то подался в 90-х, когда НИИ чтоб-оно-всё-сдохло-к-чёртовой-матери обработки металлов приказал долго жить. Институту что? Он всего лишь счёт в банке, печать и здание – фикция, неживая субстанция... а вот живому Форманчуку, тогда ещё младшему научному сотруднику, в отличие от неживого института многое чего хотелось. Есть, пить, одеваться, разбогатеть, натрахаться вдоволь и увидеть наконец-то мир.

Из всех жизненных поворотов следовавших после перестройки, Форманчук вынес только стойкий цинизм и лысину. Лысина вкупе с очками и бородкой а-ля Мефистофель при-

давала бывшему учёному вполне умный вид, не говоря уже о высшем техническом образовании, просто-таки написанном у него на лице. Последнее было редкостью среди нынешнего поколения репортёров, имеющих, как правило, дипломы местного журфака... то есть, положив руку на сердце, не имели никакого образования в целом. Их редкая дремучесть и вызывающий непрофессионализм доводили Форманчука до разлива желчи, а то и приступов ипохондрии. Но... куда уж теперь деваться? Надо было вовремя подсуетиться ещё в 1990-м и продать всё-таки тот злополучный вагон с бракованными вольфрамовыми стабилизаторами ракет класса «земля-земля».

Вагон приблудился и был забыт в Талице на запасных путях, где его торжествующе обнаружил Форманчук, приключившийся в тех краях по служебной необходимости. Сейчас всё звучит просто – чего такого? – взял, да и продал вагон вместе со всем содержимым на бирже металлов. Получил кэш, набил кейс, воровато рванул домой, молясь, чтобы не шлёпнули и не ограбили по дороге... и живи, не горюй!

Однако, мои маленькие друзья, тогда это тоже было непросто! Во всяком случае, для Форманчука образца 1990 года. В итоге в тайну были посвящены девять человек, привыкших более воровать спирт у заведующего лабораторией и тискать по командировкам горничных в Доме Колхозника, чем действовать сообразно новым экономическим условиям. Месяц прошёл в горячечном бреду мечтаний и бесконечной беготне по разнообразным инстанциям... да так всё в песок и ушло. Ни денег, ни вагона, ни друзей, ни работы, поскольку к тому времени институт, – и так-то практически полностью развалившийся, – стремительно сгнил.

Быть корреспондентом новостей одного из (а какая разница – какого? везде одинаково!) местных телеканалов и хорошо, и плохо. Плохо то, что денег тебе платят мало и смотрят на тебя криво, подразумевая, что в репортёрах работают только те, кто уж вообще ни черта не умеет. А хорошо то, что работа эта – хоть и суетливая, но всё же приносит некий доход. Зато и день на день не приходится. То густо, то пусто, то и совсем непонятно как. Бывали, конечно, и светлые дни. Последние лет десять Форманчук пристроился к тем шустрякам, кто периодически работал от выборов к выборам, получая от этих шустряков приработок. Конечно, с двумястами тысячами баксов, которые как-то срубил директор телекомпании на выборах губернатора в 2003 году, гонорары Форманчука не сравнить, но всё-таки...

Раздражало в этих политических приработках только одно. Бывало, по окончании политического сезона, соберутся в летнем кафе две-три команды журналистов, бывших антагонистов. Пиво пьют, веселятся, все всех чуть ли не с детства знают... и вдруг, ни с того, ни с его, начинают друг друга поливать. Мол, ваш-то барин – не то, что наш! Наш и осанистее будет, и лапа в Москве у него волосатее, и на чай он нам больше, чем вам, задохликам, отсыпал! Чисто лакеи меж собой переругаются. И что интересно – половина из спорящих журналистиков, гордо именующих себя «консалтерами», за последние десять лет раза по два-три из своего политического лагеря в лагерь противника перебежала. И точно также каждый раз своего барина нахваливала...

И смешно, и противно. Противно потому, что сам, честно говоря, такой же, как и все эти молодые лошаки.

– Едут! Едут!! – заорал кто-то над ухом и Форманчук, погружённый в свои мысли, подскочил от неожиданности. Маратка, нынешний его оператор, водрузивший штатив видеокамеры на один из бетонных блоков, перегораживающих нынче перекрёсток со всех четырёх сторон, подсигивал от восторга.

– Ну, царь-батюшка прибыли-с, – кисло пробормотал Форманчук и тяжело взобрался к Маратке.

Вот, спрашивается, на кой ляд он здесь торчит? Телекамер на президента нацеленных, тьма-тьмою. Историческое событие, как-никак. Форманчука с дураком Мараткой и на сто мет-

ров не подпустят. Снимут они сейчас общие планы толпы, наискосок телеобъективом поднимут, возможно, президента, глубокомысленно смотрящего на кокон в бинокль. Да и то, скорее всего, на картинке по бокам люди будут президента загораживать... и ни хрена в вечерний репортаж эти кадры не войдут, а войдут те, что будут через интернет сдёрнуты с рабочих FTP ОРТ или «России».

– Глянь, глянь! – восторгался Маратка, прикинув к видеоискателю. – На ходу трендит чего-то! А охраны-то, охраны!

Президент остановился и начал говорить.

Форманчук услышал тонкий пронзительный писк. Крыса? Да откуда ей здесь, на перекрёстке, взяться? Писк становился громче и Форманчук увидел, что огромная толпа завертела головами, пытаясь понять, что к чему.

Глава охраны попытался загородить собой президента, остановившегося на полуслове.

В долю секунды писк взвыл до громового рёва! Холодный пронзительный ветер со всхлипывающим вздохом ударил толпе в спину. Одновременно лопнули и разлетелись по сторонам многочисленные объективы телекамер и фотоаппаратов. Порыв ветра сдвинул всю толпу в сторону дома. Люди падали, ломая руки и ноги. Президент упал на четвереньки. В ладони вонзились осколки стекла. Что-то сильно ударило его под зад, и он перекувыркнулся через голову. На него падали кричащие люди. В спине хрустнуло. Президент попытался что-то крикнуть, но внезапно всё прекратилось. Надо же... он пролетел метров пять вперёд и теперь лежал в грудe тел, видя перед собой кокон, покрывшийся тошнотворно корчащейся рябью. Вокруг кричали, стонали и ругались. В затылок президенту упёрлась чья-то подошва, а подбородок ткнулся в чужой локоть, обтянутый полшерстяной пиджачной тканью. Локоть мгновенно заёрзал, больно попадая президенту по губам.

Дурак Маратка уже лез через невысокую сетку забора вокруг школы. Он что-то кричал Форманчуку, видимо, предлагая бежать как можно дальше, но репортёр только отмахивался, разворачивая камеру на штативе, пытаясь дать панораму. Слава Богу, слава Богу, слава Богу – бухало сердце. Их с Мараткой *не задело!*

При просмотре изображения в замедленном темпе видно, как странный порыв ветра обозначил себя поднятой пылью. Узким и длинным потоком он возникает прямо вдоль улицы, запруженной толпой. Отчётливо видно, как люди валятся с ног – эти маленькие оловянные солдатики. Солдатики превращаются в тряпичные куколки, которых тугая пылесосная струя тянет к кокону... и вдруг жестокий напор прекращается.

Милиционеры рядом с Форманчуком дружно приседают. Кто-то стреляет несколько раз по кокону, а потом поворачивается и лезет через забор, за которым Маратка давно уже опасно выглядывает из-за угла школы.

Бешено стучит сердце, руки трясутся... *стучит...* нет, это *не сердце!* Это...

Напротив Форманчука, прямо на крышу бывшего подземного гаража, над въездом в который ныне красуется гордая алая вывеска «Автомойка_Шиномонтаж», боком падает вертолёт, арендованный телевизионщиками. Лопасты слепо бьют по асфальту крыши, как ужасающие великанские сабли. Вертолёт с грохотом взрывается и начинает жарко и дымно гореть.

Зрители телеканалов CNN, НТВ, РБК и так далее, видят лишь «снег» на своих экранах.

Форманчук пытается повернуть камеру, но застывает в ужасе. Огромный кокон резко выдыхает втянутый в себя воздух. Раздаётся громовой удар. Ноги Форманчука рефлекторно дёргаются. Со стороны кажется, что он косо подпрыгивает вверх и падает на бетонный блок. Рядом с ним по-прежнему не задуло бы и свечу, но по улице Серова плёвок узкого и длинного ураганного ветра выдувает всё, что лежит на его пути, назад...

И снова, и снова!

Словно кто-то хохочет, уткнувшись лицом в стеклянную поверхность стола, на котором маленькие бумажные фигурки разлетаются в разные стороны...

В Кремле глава правительства автоматически становится исполняющим обязанности президента. В Вашингтоне президент Обама соглашается на предложение объявить повышенную боевую готовность. В Екатеринбурге (бывший Свердловск) репортёр Форманчук поворачивает камеру из стороны в сторону. В горячке он не замечает двух сломанных рёбер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.